Эскардосы были очень древней семьей даже среди магов средиземноморского бассейна.

По слухам, они вели активную деятельность еще до основания Часовой башни — вместе с волшебником Кишуа Зелретчем Швайноргом и магами, которые проводили свои изыскания в течение веков после рассвета нашей эры. В это не верили не только обитатели Часовой башни, но и, что более важно, сами наследники семьи Эскардос.

В конце концов, будучи такой древней семьей, они не достигли никаких стоящих результатов. Более того, по их Магической метке можно было проследить лишь сто лет истории — большую часть вплетенных в нее заклинаний не могли расшифровать даже сами наследники. Дошло до того, что их потомки начали подозревать, мол, все эти знания, возможно, были пустышкой, замаскированной под магию. И все же метка также включала в себя продвинутые возможности поддержания сохранности, поэтому им удавалось цепляться за свою гордость древней семьи.

Эскардосы держались на плаву благодаря магическим патентам, количество которых уменьшалось с каждым успешным поколением. Даже в Часовой башне над ними смеялись, называя «плесневеющей древностью».

Если бы только их Магические цепи начали развиваться… Эта проблема не давала главам семьи Эскардос покоя в течение последних нескольких столетий.

Что странно, их Магические цепи ничуть не изменились за все эти поколения. Какую бы образцовую магическую кровь они ни привносили в семью, сколько бы поколений они ни делали это, рост их Магических цепей оставался едва ощутимым. И все же, думали они, это лучше, чем вырождение.

В каком-то смысле тот факт, что их Магическая метка, несмотря на всю древность родословной, так и не проявила признаков увядания, был был опасен для них самих, поскольку даже в Часовой башне их порой рассматривали в качестве объектов для исследований.

Эскардосы выяснили, что канут в пучину времени — исчезнут как маги — скорее по причине постепенного отмирания Магических цепей, как это случилось с Макири, нежели из-за Магической метки, достигшей своего предела. Они отчаянно трудились, чтобы обеспечить себе крепкую почву под ногами и избежать этой судьбы. Даже если другие маги со смехом называли это тщетными усилиями.

Спустя несколько столетий в семье Эскардос родилась «аномалия».

По количеству Магических цепей он во много раз превосходил предыдущие поколения. Они были подобны капиллярам, разносящим од по каждому дюйму его тела. Гениальное умение контролировать магическую энергию, уникальная способность объединять заклинания прошлого в самобытную новую магию и Магические цепи, не имевшие себе равных во всей родословной — это было рождение поистине идеального наследника. Потомок с не самыми полезными, но стабильными способностями, о котором так мечтала семья Эскардос, однако, привел их к стремительному упадку.

Потому что, когда начали проявляться его таланты, стало очевидно, что у него полностью отсутствовал тот «взгляд на вещи», который можно было счесть важнейшим атрибутом мага.

Мальчик мог видеть «это» с самого детства.

Поэтому он считал «это» чем-то совершенно естественным и предполагал, что все остальные тоже «это» видели. Но вскоре он осознал, что ошибался.

Мальчику не было и десяти, когда ему сказали, что он относился к людям, называвшим себя магами. Узнав про это, он решил, что видел «это», потому что был магом. Но, разговаривая с родителями и другими магами, с которыми они вели дела, он пришел к понимаю, что вновь стал жертвой заблуждения.

Похоже, его родители не видели тот мир, что видел он.

Когда мальчик ощутил это, его объял страх.

Но он не мог точно объяснить природу этого страха другим.

Впервые заметив эксцентричность сына, родители подумали, что им завладело некое наваждение. Но после множества обследований им пришлось признать, что мальчик, судя по всему, говорил правду.

Уверенность в том, что сын Эскардосов обладал могущественными Мистическими глазами, разожгла мимолетное смятение, но, как выяснилось, оба глазных яблока мальчика были самыми что ни на есть обычными. Тем не менее, тот факт, что он мог отчетливо видеть «это», вызывал недоумение у всех магов, что его окружали.

Для самого же мальчика это было естественным. Однако взгляды, которые на него бросали, казалось, чуть ли не говорили: «Мы не можем объяснить, как ты, будучи человеком, дышишь жабрами». Постепенно вещи, которые он видел, начали казаться ему неприятными.

В конце концов, именно по причине того, что он мог их видеть, его не раз пытались убить собственные родители.

Тем не менее, опять же благодаря тому, что он их видел, ему удавалось выжить, поэтому он не мог полностью отринуть «это».

Он любил магию, любил людей — что с ним станет, если он возненавидит нечто, столь тесно связанное как с тем, так и с другим? Подобные тревоги терзали мальчика с самого детства.

По пути на вечеринку на борту одного корабля он повстречал женщину, которая, похоже, была магом или кем-то близким к этому. Во время краткого диалога, возникшего, когда она спросила у него дорогу к гавани, женщина, должно быть, заметила беспокойство мальчика.

- Если у тебя есть тревоги, связанные с магией, - небрежно отметила она, поднимаясь на борт роскошного пассажирского лайнера, - начни изучать ее. Если не можешь рассчитывать на семью, попробуй Часовую башню.

Слова магессы глубоко засели в сердце мальчика. Он подумал, что если отправится в Часовую башню, то сможет понять себя. Поэтому он наведался к родителям, которые только что провалили свою пятую попытку его убийства.

- Я хочу покинуть дом и учиться в Часовой башне, - сказал мальчик. Ему не было и десяти лет.

В результате родители мальчика выставили его из дома, тем самым избавляя себя от неудобства — прикрывшись желанием явить свое чудесное дитя всему миру и отправить его в Часовую башню.

Собственно говоря, многие профессоры, увидев мальчика с невероятным количеством магических цепей, который не по годам умело владел магией, пришли в восторг от того, что в

Часовой башне появился гений, который оставит свое имя в ее истории. Но все пошло далеко не так гладко. Мальчик обладал Магическими цепями, подобных которым еще никто никогда не видел, и талантом их контролировать. И все же, несмотря на его первоклассные Магические цепи и чувство магии, им так и не удалось исправить его своеобразный темперамент или отсутствие присущего магу склада ума.

Преподаватели постепенно начали его гнушаться. В их руки угодил неровный камень высочайшего качества, но они не могли его отшлифовать. Вид того, как необработанный камень сияет ярче отполированных драгоценных камней, ранил гордость преподавателей, которые старались ради собственных интересов. Все заканчивалось тем, что они прогоняли мальчика.

Профессор по имени Рокко Белфабан терпеливо пытался наставить мальчика на путь истинный, пока того передавали из рук в руки. В итоге, однако, даже этого старого профессора начала разочаровывать личность Флата — а также другие его особенности.

Однажды он сделал предложение: эксцентричный новичок только что открыл школу. Хоть он и был одним из Лордов Часовой Башни, его восприимчивость несколько отличалась от таковой у обычного мага. Возможно, этот человек сможет дать мальчику знания, которые он хотел получить.

И вот мальчик отправился на встречу с новоявленным Лордом. У него была мрачная уверенность в том, что его попросту снова выперли, и этот его следующий учитель будет ничем не лучше.

Может быть, я болен. Я так стараюсь вести себя, как настоящий маг, но почему у меня ничего не получается?

Думаю, тот профессор тоже меня возненавидел. Интересно, как долго продержится следующий?

Даже думая об этом, он изо всех сил старался улыбаться. В отчаянии он применил магию к мышцам своего лица, чтобы поддерживать радостное выражение. Никто его этому не учил, но он знал, как улыбаться, с тех пор, как был еще совсем маленьким.

Дабы вести себя, как подобает магу, мальчик влил свою энергию в создание натянутой улыбки. Он раз за разом пытался выработать заклинание, которое поможет его мускулам сложить губы в улыбку. И когда его сердце готово было разорваться от мысли о том, что он будет заниматься этим вечно…

Перед мальчиком возник этот человек.

- Ты Флат Эскардос? Мальчик, который, как говорят, может использовать разнообразную магию вне зависимости от маны и од и даже без знаний? –поприветствовал Флата вошедший в комнату молодой мужчина с сердитым взглядом и нахмуренной бровью. Он был очень высоким, с чрезмерно длинными волосами. Но больше всего внимание Флата привлекло то, что из всех людей, называвших себя преподавателями, которых он встречал, у этого человека была самая низкая внутренняя концентрация магической энергии. Пока Флат с любопытством глазел, из-за спины мужчины выглянула маленькая тень. Это был ребенок одного с ним возраста, который буравил Флата пронизывающим взглядом и рычал, словно животное.

- Профессор! Профессор! Он очень странно пахнет! Можно, я его сломаю?

- Успокойся, Свен. Он приглашенный гость. По крайней мере, пока что.

Маг, которого назвали «профессором», повернулся и посмотрел на мальчика, который только что вошел в комнату. Затем без всякой лицемерной улыбки на лице он произнес:

- Зачем ты делаешь это со своим лицом? Ты издеваешься надо мной или же испытываешь? В противном случае, если это твой способ зарекомендовать себя, советую передумать и как можно быстрее.

- Что?

- Я говорю, что дети не должны использовать магию, чтобы растягивать губы в улыбке.

- !

Мальчиком завладело изумление. Он был уверен в том, что полностью изолировал все намеки на магию и что ни один сторонний наблюдатель не заподозрит ее присутствие в его улыбке.

- В чем дело? Хочешь о чем-то спросить?

- …Да, сэр. Как Вы узнали?

- Да тут любой с первого взгляда все поймет. Когда ты двигаешь губами, твои малая скуловая, смеховая и поднимающая угол рта мышцы сокращаются игнорирующим их правильные функции образом — доказательство того, что ты используешь магию, чтобы поддерживать это выражение лица. Полагаю, ты оценил лишь результаты и предпринял попытку найти к ним путь, но, похоже, пренебрег наблюдением за процессом. Незрелый образ мышления, который ведет к обращению с магией без всяких знаний. Я признаю твой талант, но тебе лучше исправиться.

Быстрое объяснение было явно не тем, на что надеялся мальчик, но он не расстроился. Мир, который открывался взору этого высокого мага, явно отличался от того, что видел он. И все же у него также было чувство, что маг видел нечто иное, отличное от того, что видели родители мальчика и прочие маги. Тогда это было лишь смутное предчувствие. Несмотря на это, мальчик развеял заклинание и склонил голову перед магом с первой настоящей улыбкой за очень долгое время.

- Меня зовут Флат! С нетерпением жду Ваших лекций, профессор!

- …Этому не бывать — сказал бы я, но ты пришел с рекомендательным письмом от мистера Белфабана, так что я не могу тебе сразу же отказать.

Вздохнув, маг сердито посмотрел на мальчика — Флата — и продолжил:

- Хорошо. Занятия скоро начнутся. Сядь в углу и, по крайней мере, привыкни к атмосфере.

Услышав это, ребенок, стоявший за спиной мага — мальчик, которого он назвал Свеном — выпучив глаза, уставился на Флата.

- Что?! – закричал он. – Он вправду будет учиться со мной?! Этот неуемный запах определенно доставит Вам проблем, профессор! Лучше укусить прежде, чем укусят тебя!

- Ого. Укусить? Ты совсем как Ле Шьен… (фр. «собака») И все же ты вроде как клевый!

- Видите?! Он несет ахинею, но мой нос не чует лжи! От него крайне скверно пахнет! Несет опасностью! Уничтожьте его прежде, чем он разрушит школу!

Вид Свена, гавкающего, словно животное, почему-то порадовал Флата. Быть объектом столь прямолинейной эмоции — даже если ей была звериная враждебность — было для него в новинку. Это так сильно отличалось от того, как на него смотрели ученики на других факультетах — издалека, словно наблюдали за чем-то жутким и необъяснимым.

Флат был взволнован. Его глаза сияли. Он смотрел на лицо мальчика со звериным обонянием, которого можно было в равной степени сравнить с волком, тигром и львом, и начал бормотать что-то себе под нос.

- Лобо… Бетхо… Нет, наверное, все-таки Ле Шьен…

- Погоди-ка! Надеюсь, ты сейчас не прозвище мне подбираешь?

Свен, казалось, был готов в любой момент наброситься на Флата. Вздохнув, маг удержал его, положив руку ему на голову.

- Уймись. Хочешь, чтобы тебя исключили?

И тут в помещение один за другим начали входить юные маги.

Похоже, что Флат был не единственным новичком в этом классе. «Это же Лорд!..» - говорили некоторые с сияющим взором. «Это Лорд?..» - гадали другие. Глаза всех были прикованы к магу.

Вскоре после того, как Флат уселся в углу аудитории, как ему было сказано, а мальчик со звериными повадками устроился в центре первого ряда, маг представился.

- Факультет современной магии, инструктор третьей категории Вэйвер Вельвет… так меня звали до недавнего времени.

Затем он назвал имя человека, которому было суждено изменить судьбы многих магов, в том числе Флата, и войти в историю Часовой башни.

- Теперь же я Второй. Временно ношу имя Лорд Эль-Меллой II.

Вторые сутки. День. Главная улица.

Прошло десять лет с момента их первой встречи, и судьба Флата несомненно изменилась. Она совершила акробатическое сальто: не так давно он медленно терял свое место в этом мире, а теперь участвует в Войне за Святой Грааль, которую устроили в далекой Америке. Взамен Лорд Эль-Меллой II заработал себе язву, но это другая история.

- Ну что, вперед, Берсеркер.

- Да, идем.

Флат брел, закованный в наручники, в сопровождении Джека, который принял облик офицера полиции. Даже Флат был не так глуп, чтобы заявиться сюда в открытую: вдобавок к маскировке он изменил внутреннюю циркуляцию магической энергии и приготовил барьеры, чтобы маги не смогли ощутить его присутствие. Он был в кепке, опущенной как можно ниже, солнцезащитных очках и кожаной куртке, которая совсем ему не шла.

- Эй. Пустите. Отпустите меня! Я невиновен! Я не убивал свою жену! Это сделал человек с искусственной рукой! – начал невыразительно кричать он.

- Мда… Думаю, тебе лучше помалкивать.

- П-правда?

После слов Джека Флат замолк и с унылым видом потащился вслед за ним.

Когда они подошли к входным дверям, он поднял взгляд и стер все эмоции со своего лица.

- …В чем дело?

- Здесь барьеры. Многослойные. Может, их разрушили не так давно? Такое ощущение, что восстанавливали в спешке.

- Вот как… Сколько секунд потребуется?

- Пяти хватит. Я обману их, и тебя не раскроют, - с легкостью ответил Флат и присел.

- Какие-то проблемы? – спросил Джека полицейский, который в этот момент вышел из здания.

- А, он напился и начал нарушать порядок в общественном месте. Я задержал его, но он говорит, что ему нехорошо. Пусть немного отдышится.

- Вот оно что. Звучит не очень… Смотри, чтобы не блеванул, ладно? Там еще не закончили с расследованием вчерашней террористической атаки.

- Конечно, не беспокойся.

Пока они беседовали, Флат тихо прошептал свою личную арию.

- …Выбор игры.

Не вставая, Флат прижал ладонь к полу, внедряя новое заклинание в ту часть барьера, которой он касался. Он начал крупномасштабный взлом защиты. Флат позволял своей магической энергии просачиваться сквозь щели в хитром сплетении барьеров, производя «восстановление» и убеждая функции обнаружения в том, что он был их создателем. Закончив заклинание примерно за четыре секунды, он незаметно поместил его в барьеры. Это было некое подобие автоматической программы, которая будет постоянно изменять их назначение по желанию Флата.

- Игра окончена, - с улыбкой пробормотал Флат и медленно поднялся на ноги.

- Благодарю, офицер. Мне уже лучше.

- Хорошо. Тогда пошли.

Не похож он на пьяного… - подумал полицейский, гляля на свеженькое лицо Флата, но не стал их останавливать. По-видимому, он торопился куда-то по долгу службы.

И вот Флат и Берсеркер оказались в полицейском участке.

Флата можно было по праву назвать самым нерешительным магом в этой Войне за Грааль. Тем

не менее, он сделал шаг вперед. Решимость, что он хранил в своем сердце, была очень слабой, почти прозрачной, но это придавало ей определенную чистоту.

Это была решимость вступить в открытое противостояние с теми, кто таился в тенях этих событий.

«Кристал Хилл». Двадцать метров под землей.

В Сноуфилде не было системы метро. Вместо нее на глубине пятидесяти метров под центром города раскинулось обширное пространство, контролируемое магами и правительственным агентством, которые возвели этот город.

Между этим пространством и поверхностью, на глубине двадцати метров, располагались небольшие управляемые зоны. Одна из них была выделена под «мастерскую» Кастера — Александра Дюма-отца.

- Я хочу сказать, что прямо у меня над головой расположены казино, квартал красных фонарей и шикарные рестораны, а мне даже нельзя подняться туда и развлечься? Как жестоко. На кой я тогда вообще ответил на зов?

Вздохнув, Дюма обратился к молодым людям, которых было порядка пяти, собравшимся в его мастерской.

- Когда делаешь деньги, их лучше тратить. Сечете фишку? Деньги подобны еде; они испортятся, пока ты думаешь, что их лучше поберечь, - проворчал он, но его руки продолжали двигаться.

- Я уже рассказывал об этом братану — вашему боссу. В былые времена я спустил все заработанные деньги на строительство особняк своей мечты. Второй этаж был уставлен бюстами разных гениев. Старина Гюго, Гёте, Гомер, Шекспир и прочие. А на самом почетном месте стоял мой бюст, смекаете? Я отвалил за него кругленькую сумму первоклассному скульптору. Поразительно, не так ли?

- Э-э-э… Да. Поразительно… Во всех смыслах, - раздался исполненный сомнений ответ, но Дюма даже не повернулся, продолжая орудовать пером. Он писал предложения на французском на неком подобии свитка.

- Этот сукин сын Бальзак взглянул на мой дом и сказал: «Одного взгляда достаточно, чтобы понять, что ты шутишь. Впрочем, столь хорошая шутка на самом деле подобна глотку свежего воздуха». Я так и не понял, комплимент это был или оскорбление. …Ах да, что поразительно… «он» прошел не дальше главных ворот, хоть и, вероятно, уехал домой в отвращении.

- …«Он»?

- Ой, с языка сорвалось. Забейте, - Дюма хихикнул, окунув перо в чернильницу.

В этот момент он, наконец, повернулся.

- Итак? Всего пять. Бро слишком осторожничает, да? – спросил он, пожав плечами, после чего отвернулся и продолжил водить пером по бумаге.

Один из собравшихся людей — молодой человек, который был членом Клана Калатин — обратился к нему:

- …Прошу прощения. Большая часть нашего отряда была направлена в промышленный район, поэтому… - извинился он.

Это был мужчина двадцати пяти-тридцати лет. Тем не менее, он выглядел моложе своего возраста. Его все еще можно было с легкостью принять за новобранца. Он был тем офицером, который потерял правую кисть в недавнем сражении с кровососом. В данный момент культя скрывалась под особой гипсовой повязкой и слоем бинтов.

- Что ж, не важно. Мне еще повезло, что ты здесь. Ну и? Бро дал тебе «разрешение сражаться»?

- Еще нет…

Офицер стиснул левый кулак от разочарования. Начальник сказал ему: «Пока ты не докажешь мне, что не будешь обузой, я не верну тебя в строй».

- А зачем тебе сражаться? – спросил Дюма, продолжая «писать».

- Что?..

- Тебе выпал шанс выбыть из этой войны, полной магов, где каждый может умереть в любой момент. Ради чего ты пытаешься вернуться в бой? Зачем тебе это?

Офицер, лишившийся правой кисти, на секунду задумался над вопросом, после чего твердо ответил:

- Потому что, как ты и сказал, Кастер… каждый может умереть в любой момент.

- О?

- Я… нет, никто из нас, кого собрал начальник, не считает себя магом.

- Кто же вы тогда? – спросил Дюма, не отрываясь от работы.

- Мы офицеры полиции, - ответил мужчина.

- …

- В ситуации, когда каждый момет умереть в любой момент, наш долг – спасти как можно больше людей.

Услышав этот ответ, данный без всяких эмоциональных колебаний, Дюма восхищенно рассмеялся и задал очередной вопрос:

- Красивые слова. Но смогут ли они набить едой твой желудок?

- Если тебе удалось построить особняк, то я уж тем более смогу обеспечить себя едой.

- Ха! Думай, что говоришь. Мои романы, по-твоему, «красивые слова»?

-!..

Когда Дюма внезапно вскочил на ноги, пятерых офицеров невольно прошиб холодный пот. Поскольку Дюма был писателем, его легко можно было счесть книжным червем и тем самым

угодить в ловушку. Но на самом деле у него была и крайне активная сторона. Говорят, что даже в последние годы своей жизни он лично охотился на диких зверей, чтобы написать поваренную книгу. Его внушающее страх телосложение, доставшееся от отца — человека военного, служившего под началом Наполеона — вызывало в памяти то, как начальник однажды сказал: «Вероятно, даже я смогу одолеть его в кулачном бою». Но офицеры были менее уверены в исходе прямого столкновения.

Дюма, которого окружала эта устрашающая аура, взял покалеченную руку офицера и…

- Так оно и есть, - пожал он плечами и приладил что-то к запястью мужчины.

- Мне и другие вещи нравятся, но… герои, что вещают о высокопарных идеях и воплощают их в жизнь, безумно хорошо продаются в газетах и на сценах театров. Вот.

Наконец, раздался резкий металлический звук. Офицер ощутил легкое давление и должный вес на своем правом запястье.

- Это…

На руке офицера красовалась идеально подогнанная искусственная кисть.

- Она таит в себе особую хитрость. Позже я тебе все объясню.

- Нет, но… Начальник ведь не…

Офицер в замешательстве уставился на кисть.

- Джон Вингард, - обратился к нему Кастер, вновь взявшись за перо. – Двадцать восемь лет. Родился в Нью-Йорке. Четвертая группа крови. Второй сын в семье магов. Не унаследовал Магическую метку.

- Что?..

Услышав свое имя и список личных данных, офицер изумленно посмотрел на Кастера. Дюма широко улыбнулся и продолжил:

- Простите, ребята, но я вас всех досконально изучил. Ты лишился матери в детстве и поэтому стал полицейским. Правильно, Джон? Ты не хотел, чтобы кто-либо еще разделил твое горе?

- …Я не думал ни о чем таком благородном. Мне просто хотелось отомстить…

- О, нет нужды меня уверять. Прости мне мои красивые слова. Месть сойдет.

Ухмыляясь, Дюма вновь окунул перо в чернила, чтобы написать новую «историю».

- Когда я публиковал «Графа Монте-Кристо», каждый человек в городе от торговца до государственного министра желал узнать, какая судьба уготована мстителю. О тебе тоже станут много говорить… Ведь ты будешь использовать эту руку — эту легенду — которую я приготовил. Я совру, если скажу, что ты не наделаешь шума.

- Передай братану мои слова, Джон: «Это ты докажи, что не будешь обузой!»

Оригинал/перевод: 22124/0

http://tl.rulate.ru/book/6511/152088